

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Комаров О.В.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44

УДК 94 (47).041=161.1(045)'0/2'(470+571)

Комаров О.В. Отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.»

Ключевые слова: XV в., военное дело, доспехи, ориентализация, луки, лук и стрелы, дисциплина, сражение под Русой, Шелонская битва.

Автор: Комаров Олег Владимирович, образование высшее. С 2010 года активный участник Проблемного совета при Государственном Историческом Музее. Основная сфера интересов – военная история Русского государства и его соседей. oleggg888@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. — Л., 1991.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 2002.

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Бохан Ю.М. Узбройны войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. — Минск, 2002.

Воронцов И.А. Организация военного дела в Золотой орде. / Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. — Волгоград, 2006.

Двуреченский О.В. Холодное наступательное оружие Московского государства (конец XV — начало XVII вв.). / Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. — СПб., 2008.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. — Л., 1976.

Комаров О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VII. — С. 392-460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016).

Комаров О.В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально-политических институтов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 362-389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и

источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 227-235 <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013).

Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В., изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Филлюшкин А.И. Василий III. — М., 2010.

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3

Ссылка для печатных изданий:

Комаров О.В. Отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Komarov O.V. Response to O. Schindler's article on "Change of the arms and armor's style during the second part of the fifteenth century."

Keywords: fifteenth century; arms and armor; orientalism; bows and arrows; discipline; the Battle at Russa, 1456; the Battle of Shelon, 1471.

Author: Oleg Komarov is currently a member of an Advisory Council at the State Historical Museum (Moscow, Russia). He specializes in the military history of Russia and her neighbors. oleggg888@yandex.ru

References:

Abramovich G.V. Knjaz'ja Shujskie i rossijskij tron [The princes Shuisky and the Russian throne]. — L., 1991.

Bobrov L.A., Hudjakov Ju.S. Zashhitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina jepohi pozdnego srednevekov'ja [Armour of the medieval warrior in the late middle ages] // Voennoe delo nomadov Severnoj i Central'noj Azii. — Novosibirsk, 2002.

Bykov A. Response to O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Bohan Ju.M. Uzbraenne vojska VKL drugoj palovy XIV — kanca XVI st. [Osbrone the troops of the Grand Duchy of Lithuania other polowy XIV — XVI of this article.] — Minsk, 2002.

Voroncov I.A. Organizacija voennogo dela v Zolotoj orde [The organization of military Affairs in the Golden Horde]. / Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. — Volgograd, 2006.

Dvurechenskij O.V. Holodnoe nastupatel'noe oruzhie Moskovskogo gosudarstva (konec XV — nachalo XVII vv.) [Cold offensive weapon of the Moscow state (the end of XV — beginning of XVII centuries)]. / Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. — SPb., 2008.

Kirpichnikov A.N. Voennoe delo na Rusi v XIII–XIV vv. [Military Affairs in Russia in the XIII–XIV centuries] — L., 1976.

Komarov O. Primary sources for studying the arms and armor of the Muscovy feudal army in the XVI century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VII. — P. 392-460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016).

Komarov O. From "free servants" toward the "state serfs" [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 362-389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

Kurbatov O.A. «Kopejnyj boj» russkoj pomestnoj konnicy v jepohu Livonskoj vojny i Smutnogo vremeni [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2013. — Special edition I. Russian Army under Ivan IV Terrible. — Vol. I. Articles. Ed. II. — P. 227-235 <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013).

Nesin M. Response to A. Bykov's critical reply "On O. Schindler's article on 'Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century'" and on O. Schindler's article proper "Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Nesin M.A. Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Filjushkin A.I. Vasilij III. — M., 2010.

Schindler O.V. The modification of fashion: Russian armor in the second half of XVth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3

Reference:

Komarov O.V. Response to O. Schindler's article on "Change of the arms and armor's style during the second part of the fifteenth century." [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

О.В. Комаров

ОТЗЫВ

НА СТАТЬЮ О.В. ШИНДЛЕРА
«СМЕНА ДОСПЕШНОЙ
МОДЫ НА РУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.»

Ещё А. Н. Кирпичниковым было отмечено, что к концу XV в. в русском военном деле совершилась ориентализация¹. В том числе имела место замена пластинчатых и чешуйчатых доспехов кольчато-пластинчатыми бехтерцами, юшманами и калантарями. В статье О. В. Шиндлера впервые делается попытка уточнить временные рамки и этапы процесса смены «доспешной моды» и обозначить причины, оказавшие влияние на его развитие.

Согласно выводу автора, «новгородскую моду» (пластинчатые доспехи) сменила «московская мода» (кольчатые, кольчато-пластинчатые, мягкие и зеркальные); и если ранее одинаково доспехи были и западных, и восточных образцов, то теперь воспроизводились только восточные образцы. Период процесса замены типа доспеха автором определен как 1440–1460-е гг., что обуславливается, по его мнению, изменениями, произошедшими в это время в тактике московской конницы.

Для освещения проблемы с точки зрения археологии необходима обобщающая работа соответствующих специалистов. В данном отзыве эти вопросы будут рассмотрены преимущественно с позиции анализа письменных источников.

В своей статье О. В. Шиндлер для описания процесса ориентализации тактики московского войска приводит схему, суть которой в следующем: разгром московского войска татарами под Суздалем в 1445 г. подтолкнул к реформам, и новая тактика проявилась в разгроме новгородцев силами московского войска (при участии татар) под Старой Руссой в 1456 г.²

Наше мнение об ориентализации было ранее изложена в статье «От „вольных слуг“ к „государевым холопам“». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально-политических институтов»³. Реорганизация в военном устройстве в середине XV в. в формирующемся Русском государстве, прежде всего, произошла из социально-политической сферы. Утверждавшиеся служебные отношения и институты центральной власти позволили поднять на новый уровень тактическую и походную дисциплину и обеспечить стратегическое управление, сопоставимые с ордынскими стандартами. В плане сражений это привело к тому, что стало возможным эффективно реализовывать более сложные тактические схемы (хотя сами тактические приёмы были давно известны). Изменился сам характер войн: планировались последовательные кампании, велись активные действия на широком фронте. Этот новый характер обусловил важность маневренных действий, лучшим образцом которых была ордынская традиция.

Почти абсолютное отсутствие подробностей о битвах XIV — первой половины XV вв. не позволяет говорить о том, насколько они отличались от более поздних битв (насколько изменилось соотношение роли лука и холодного оружия и т.п.). На середину XVI в. документально зафиксировано, что в комплекте царского походного вооружения на первом месте стоял саадак, после которого шло копьё, а щита не было; обязательным вооружением воина был саадак, щиты в боевом снаряжении всадника не использовались, полноценный воин должен был быть снабжён доспехом и шоломом, иметь (как минимум зачастую) копьё или рогатину⁴. Источник, с долей оговорок, позволяет перенести эту картину и на конец XV в. Цикл произведений о Куликовской битве описывает вооружение русских воинов из доспехов, шоломов, копий с сулицами, щитов, мечей, а луки со стрелами даже не упоминаются. Именно доспехи, копья, сулицы, щиты названы вооружением в летописных воинских повестях второй половины XIV в.: в повести о побоище на Скорнице 1371 г. и повести о побоище на реке Пьяне 1377 г.⁵ И данные этих произведений более важны для характеристики вооружения конца XIV в., так как в ранней повести о Куликовской битве нет упоминаний вооружения, а известный нам цикл складывался

в последующие десятилетия под влиянием различных литературных источников.

Такая же картина (типовой набор вооружения — доспех, копьё и щит) просматривается в летописях и в отношении более ранних веков. Хотя актовый материал и художественные летописные повести — принципиально разные источники (вплоть до того, что в повестях могли использовать традиционные словесные обороты, не соответствующие реальности), тем не менее можно говорить, что за столетие в комплексе вооружения русского воина произошли изменения: на позиции главного наступательного оружия саадак потеснил копьё, щит применять перестали, также сабля вытеснила меч. Соответственно, эти изменения должны отражать изменение тактики, но, как и когда они произошли, как менялась тактика — это вопросы, которые пока не имеют однозначных ответов ввиду ограниченности источниковой базы. Следует заметить, что до XVI в. сведения источников, за исключением редких сообщений относительно отдельных князей и военачальников (об этом ниже), не позволяют судить о конструкции доспехов.

При изучении источников всегда следует быть очень внимательным в вопросах терминологии. Значение терминов может меняться (О.В. Шиндлер, кстати, сам приводит пример с прилбицей). Автор статьи рассматривает термины доспех, броня, панцирь, калантарь, бахтерец, используя определения, которые были даны ещё в работе А.Н. Кирпичникова (а также существовали до него). Из чего получается, что броня — это кольчатый доспех, доспех — объединяет пластинчатые и чешуйчатые доспехи⁶, калантарь и бахтерец — обозначают кольчато-пластинчатые доспехи⁷, панцирь — кольчатый доспех определённой конструкции⁸.

На деле доспех — это просто более поздний термин, чем броня. Он встречается в Киевской летописи под 1185 и 1191 гг.⁹ (до этого там упоминалась броня), а затем в Волынской летописи под 1261 и 1277 гг.¹⁰ (в первой части Галицко-Волынской летописи, летописи Даниила Галицкого, ни броня, ни доспех не упоминались). В летописях Новгорода и Северо-Восточной Руси доспех появляется вместо брони во второй половине XIV в. Показательно, что время появления в летописях нового термина не связано с появлением нового типа защитного

вооружения. Таким образом, считать эти термины обозначением разных типов защитного вооружения оснований нет.

По источникам XVI в. видно, что под термином доспех могли понимать вооружение вообще¹¹. Это заметно и по летописям XIV–XV вв., где обобщённо об имуществе войска говорится: «доспех и живот»¹², «кони и порты и доспех»¹³, «платье и доспех»¹⁴. Причём это давняя традиция, так как ещё в описании Липицкой битвы 1216 г. присутствует фраза «...вам же буди кони, брони, порты»¹⁵. Учитывая эту специфику использования термина, нужно особо рассматривать каждое упоминание доспеха в летописях.

О. В. Шиндлер рассмотрел упоминание доспеха при описании похода на Казань осенью 1467 г. (в статье ошибочно назван 1468 г.)¹⁶. В летописи есть выражение «доспехи метали». А ещё в работах М. Г. Рабиновича, А. Ф. Медведева, А. Н. Кирпичникова было разобрано новгородское летописное сообщение под 1343 г. о том, что псковский посадник в бою «броню обрезал», из чего был сделан вывод, что речь могла идти только о пластинчатом доспехе. На основании этого сопоставления автор отмечает, что в 1468 г. использовали пластинчатые доспехи. В полном виде летописная запись имеет вид: отходя обратно от Казани «...истоменже бе путь им, поне же бо осень студена бе и дождева, а корму начат не оставати, яко мнози христиане в постныа дни мясо ели, а кони их с голоду мерли, яко мнози от них и доспехи метали, но сами всиздрави приидоша, кишждо во своаси»¹⁷. Таким образом, речь шла о том, что вооружение бросали во время тягостного отступления (не в боях)¹⁸. А тем более нет указаний на то, что доспехи снимали тем же способом, что и псковский посадник в 1343 г.

Также автор статьи разбирает эпизод боя у Коростыни в 1471 г., когда московские воины снимали доспехи с пленных новгородцев, сжигали и бросали их в воду. Пафос летописного изложения обычно понимается буквально, то есть в том плане, что москвичам не нужны были доспехи новгородцев. О. В. Шиндлер придерживается того же мнения и делает вывод, что это свидетельствует о различии защитного вооружения новгородцев и москвичей. Однако даже неподходящие доспехи имели ценность — железо было дорогим материалом. То, что москвичи не взяли с собой новгородское вооружение, не говорит о его прин-

ципиальном отличии — причины этого (как и того, что они не взяли пленников) были, видимо, иными.

Это летописное сообщение очень популярно, когда речь заходит об особенностях защитного вооружения новгородцев. Вызванная статьёй дискуссия тщательно осветила этот момент. А. В. Быков объясняет «выбрасывание доспехов» тем, что московская рать не стала брать с собой трофеи, опасаясь успешного наступления противника, которому они в этом случае могли затем достаться¹⁹. М. А. Несин обоснованно возражает, что стратегическая обстановка не была в такой степени опасной для москвичей. В качестве причины «бросания и сжигания доспехов» он предполагает, что разбитые новгородцы были в глазах москвичей изменниками государю и вере (так считал ещё А. И. Филюшкин²⁰), да к тому же малодушными. Также автор приводит версию (высказанную В. В. Пенским) о том, что московская рать не имела большого обоза и совершала стремительные передвижения, а лишние трофеи могли их сковать. Эти соображения автор подкрепляет ссылкой на собственные расчеты скорости ее передвижения, подтверждающие, что она не имела или почти не имела гужевого обоза, и, соответственно, возможности брать с собой такие трофеи, как доспехи, у нее не было²¹. Если ситуация того, что москвичам не грозила критическая опасность со стороны новгородцев, при подробном рассмотрении представляется обоснованной, то с аспектом Филюшкина можно поспорить. Реальная причина скорее заключалась в том, что Холмскому нужно было сохранить мобильность и боеспособность своей рати. Однако, с другой стороны, определенный идеологический смысл все же мог вкладываться в этот поступок. Дело в том, что в то время в московском войске шёл процесс повышения уровня дисциплины (в чем значительную роль играл авторитет государя), одним из ключевых препятствий которому было традиционное право грабить противника сразу после победы или даже первого успеха²². Показательная расправа над «изменниками и их имуществом» могла помочь воеводе разрубить гордые узел противоречий между военной целесообразностью и этой традицией.

Описание Коростынского боя и Шелонского сражения подтолкнуло к суждениям об особенностях защитного вооружения низших категорий новгородских ратников. Так, указание, что после Коростынского боя

доспехи новгородцев судовой рати сжигали, вызвало предположение, что ратники носили доспехи на мягкой основе. Но, как было отмечено выше, под доспехом понимали вооружение вообще. То есть сжигать могли и луки со стрелами, и сулицы, и щиты, а о распространении кожного или тканевого доспеха это свидетельство прямо ничего не говорит.

О. В. Шиндлер интерпретировал летописную фразу о том, что новгородцы, не входящие в состоящий из бояр владычный полк, «испротеряхся конём и доспехом» в том смысле, что новгородцы говорили о себе, как о бедных доспехами и конями; и это, как минимум, должно означать худшее их оснащение доспехами по сравнению с москвичами²³. А. В. Быков отметил, что фразу следует понимать в ином смысле: новгородские молодые люди (невысокого социального статуса) потратились на доспехи и коней²⁴. М. А. Несин считает, что молодые — это в большей степени метафора, а речь идёт обо всех новгородцах, не входящих во владычный полк; то есть подразумевается, что новгородцы не потратились на доспехи и коней, а поизносили их²⁵. Текст источника позволяет осуществлять разные интерпретации.

Сам М. А. Несин по современным событиям документам приводит указание на место молодых людей на социальной лестнице: в договоре с литовским князем записано: «...наместнику... судити... боярина, так и житьего, так и молодшего, так и селянина», — также в некоторых статьях Новгородской судной грамоты, переписанной в том году на имя Ивана III и его старшего сына Ивана Молодого, молодой / молодчий / молодций тоже упоминается после боярина и житьего²⁶. Но термин «молодые люди», кроме официального, мог иметь и более широкое значение. Так, в том же летописном рассказе о битве под Руссой о составе новгородского войска говорится, что в него входили «бояре, и житьи люди, и молодех людей немного», а при описании потерь молодые люди противопоставляются только боярам («не бояре, но молодии люди»). То есть молодыми могли назвать вообще всех небояр (противопоставление бояр и меньших в новгородской летописи встречается ещё под 1259 г.²⁷; а в рассказе о пленении московского князя под Суздалем в 1445 г. сказано, что в плен увели «иных множество бояр и молодых людей и черницевь и черници»²⁸), следовательно, этот термин был многозначным.

Возвращаясь к указанной фразе в рассказе о Шелонской битве, заметим, что о компенсации добычей издержек на поход или о заключении мира речи там не идет — А. В. Быков сам это домыслил. Жалоба же на бедственное состояние чувствуется явно (независимо, понимать ли слова новгородцев, что они потратились на оснащение, или понимать, что они уже это оснащение поистрепали и, соответственно, будут изнашивать дальше). Однако это характеристика рати крупной мобилизации, которая в среднем объективно будет хуже оснащена, чем небольшая рать (такая, какая была у новгородцев под Руссой в 1456 г.).

Таким образом, к сожалению, летописные сообщения под 1467 и 1471 гг. не могут дать точную необходимую информацию об особенностях конструкции московского защитного вооружения или о факте его модификации.

О. В. Шиндлер отмечает, что с 1470-х гг. в источниках появляется большое количество терминов для обозначения защитного вооружения (калантарь, байдана, панцирь, наручи, бутурлыки, наколенники, зеркала, бехтерец, кольчуга, юшман, тегилай, куяк), что может свидетельствовать о смене доспешной моды. Однако в первую очередь это объясняется тем, что именно с этого периода количество дошедших источников, особенно документальных, резко увеличивается, то есть термины могли войти в употребление много ранее, чем они оказались зафиксированы.

Термин панцирь в Московской летописи встречается под 1472 г., а в Псковской — под 1476 г.²⁹ Причём в обоих случаях отмечались панцири конкретных людей, то есть их упоминание можно назвать случайным. Известен панцирь был тогда и в Великом княжестве Литовском³⁰. Следовательно, можно говорить, что этот пришедший с запада термин в XV в. распространился единовременно по разным русским землям. Термин кольчуга зафиксирован только в XVI в., причём и в России, и в Литве, и в Польше³¹. Встречался он редко и точный смысл его неясен. Появление и дальнейшее широкое употребление терминов панцирь и кольчуга нельзя связать с появлением защитного вооружения новой конструкции (так же, как ранее об этом не говорит появление термина доспех).

Есть все основания полагать, что изначально в Русском государстве панцирь означал не только вид кольчатого доспеха, но и корпусной доспех вообще (то есть доспех в узком значении)³².

Также предполагается, что в Литве в XVI в. под панцирем в ряде случаев могли понимать разные виды гибкого доспеха³³.

Особенно показательно упоминание на рубеже XV–XVI вв. немецкого краковского пансыря Айдара — поселившегося в России брата крымского хана Менгли-Гирея³⁴. Дана характеристика этого панциря: «лёгок, крепок, чтобы его стрела не яла» (те же требования относительно панциря даны в 1508 г.: «...пансырь, которой бы был лёгок, а стрела бы его не иняла... он бы его попытал стрелити, да которого стрела не имеет, и ты бы тот ко мне прислал»³⁵). Стрелостойкие свойства панциря (в условиях прямого испытательного выстрела) заставляют сомневаться, что это была обычная кольчуга. Кроме того, это сообщение наглядно показывает, что для татарского комплекса вооружения XV в. было нормой использование западноевропейских доспехов. Можно вспомнить популярность в XVI в. в России немецких панцирей и кольчуг. Этот факт снимает вопрос о том, что западным вооружением якобы не пользовались из-за идеологической конфронтации — на деле пользовались всем, что было наиболее пригодно при существующей военной системе.

Тегияли в Русском государстве известны в документах с конца XV в., но массовое использование тегияев толстых как самостоятельного доспеха отмечается только в третьей четверти XVI в., до этого тегияли являлись видом боевой одежды, которую могли носить вместе с металлическим доспехом³⁶. В документах начала XVI в. тегияли обнаруживаются и в Литве³⁷. Соответственно, по русским землям они распространились ранее конца XV в.

Примечательно, что в Литве термин бехтерец зафиксирован даже раньше, чем в России — в 1510 г.; и затем он упоминался нередко³⁸. Фиксация и в Русском государстве, и в Литве к XVI в. панцирей, кольчуг, бехтерцов, тегияев говорит в первую очередь о том, что многие процессы в военном деле происходили по всему периметру русских земель, имели свои давние предпосылки и были связаны не только с Московским княжеством. Возвращаясь к вопросу «новых терминов», можно вспомнить, например, что до XVI в. на русских землях повсеместно бытовала сулица, а затем этот термин вышел из употребления, зато и в Литве, и в России термин рогатина получил широкое распространение.

Московский посол в Милане в 1486 г. Георгий Перкамота дал ёмкое описание состояния Русского государства. Стиль явно говорит о стремлении возвеличить московского князя. Следует учитывать, что посол был иностранцем по происхождению, в основном жил при дворе и состоял на дипломатической службе, то есть имел ограниченные сведения о русских землях. О русской коннице Перкамота указал, что они пользуются легкими корацинами (*corrazine*), такими, какие употребляют мамлюки султана, и наступательным оружием у них являются по большей части сабля (*scimitarra*) и лук; некоторые пользуются копьем для нанесения удара³⁹. Это известие подтверждает то, что к концу XV в. сабля вытеснила меч, а лук стал типовым оружием. Можно также сделать вывод, что сабли и доспехи были ближневосточных образцов или подобны им.

Заключение А. Н. Кирпичникова относительно того, что под корацинами здесь подразумеваются кольчато-пластинчатые доспехи⁴⁰, не является вполне убедительным. Его основанием послужило то, что в англоязычной работе Рассела Робинсона о восточных доспехах термином *korazin* обозначен турецкий кольчато-пластинчатый доспех. Однако здесь его название условно и не соответствует старинной терминологии.

В латинском издании труда Герберштейна 1556 г. доспех русского воина описан как «*lorica, thorace affabre ceu ex quibusdam squamis concinnato*» (панцирь, латы (*thorace* можно перевести как нагрудник, а *lorica* — как кольчугу. — О.К.), сделанные искусно, как будто из чешуи). В немецком издании 1557 г. (составленном лично Герберштейном) то же место выглядит так: «*...pantzer, und wie ungeferlich coraczin*» (панцирь, похожий на корацин)⁴¹. Интересно, что А. Н. Кирпичников приводит другой немецкий текст, хотя и называет его изданием 1557 г.: «*кольчатый панцирь (VanBerhembder), погрудный доспех (Brustharnist), состоящий из соединенных вместе колец и пластин, расположенных наподобие рыбьей чешуи*»⁴². Видно, что это перевод латинского текста, в котором добавили подробность о кольчато-пластинчатой конструкции доспеха. А в оригинале у Герберштейна не уточнялась конструкция дощатого доспеха, который он сам называл похожим на корацин.

В письме папского нунция в Польше кардинала Коммендоне есть изложение литовской реляции о победе в Ульской битве 1564 г.

Там говорится о трофеях: «...*praeter arma et loricas, betherosque, qui corazzenarum*»⁴³. Согласно устному замечанию Ю. А. Кулешова, в переводе это значит: «...военного снаряжения, кольчуг, и бехтерцев, которые наподобие корацин». (Выражаю благодарность Ю. А. Кулешову за перевод на русский язык данного иностранного известия.) Это уже однозначно говорит, что и кольчато-пластинчатые бехтерцы, к тому времени уже точно получившие широкое распространение, могли называться похожими на корацин. Но примечательно, что в сообщении Перкамоты русские доспехи не сравниваются с корацинами, а называются так. В любом случае это сообщение не позволяет сделать вывод, что уже в 1480-е гг. кольчато-пластинчатый доспех преобладал (или преобладал в отборной части конницы московского князя) над тканево-пластинчатым.

Сами термины калантарь, бехтерец, юшман не знаменуют, что это были исключительно кольчато-пластинчатые доспехи (это стало точно известно только по источникам XVII в.), поэтому вывод, что в краткой редакции Задонщины, список которой относится к третьей четверти XV в., под калантарями подразумевался кольчато-пластинчатый доспех, совсем не очевиден. Этим редким термином с большой вероятностью обозначали не конструкцию доспеха, а его статус и декор⁴⁴. Даже первые упоминания бехтерцов и юшманов в документах 1520–1550-х гг. не позволяют утверждать, что речь шла только о кольчато-пластинчатых доспехах (сами по себе термины говорят только о том, что появились они для обозначения доспехов, происходивших из арабо-иранского региона). Хотя известная картина «Орашанская битва» свидетельствует, что кольчато-пластинчатые бехтерцы тогда имели хождение в русской коннице.

Кольчато-пластинчатые доспехи в XV в. только начали создаваться и вытеснять другие конструкции, постепенно распространяясь на восток от Передней Азии⁴⁵. И Русское государство не могло быть исключением: новая конструкция должна была постепенно вытеснять старые образцы, что происходило на протяжении десятилетий. Письменные и изобразительные источники не позволяют этот процесс проследить. Более точный ответ может дать только археология.

Примечательно упоминание кюяков в Боярской книге 1556 г. В многочисленных источниках последующих лет они больше не появлялись

и не фиксировались до тех пор, пока русские не познакомились с сибирскими и монгольскими кюяками. Нет упоминаний о них и ранее 1556 г., хотя более ранних источников в принципе очень мало. То есть можно говорить, что к 1556 г. кюяк — пластинчатый доспех, восходящий к монгольской эпохе — находился на стадии исчезновения (но был ещё вполне в ходу), и только случайно о нём дошли эти упоминания.

О. В. Шиндлер также согласен с тем, что процесс распространения новых доспехов — явление продолжительное. Но автор предполагает, что он был активирован тем, что в них возникла военная потребность. При этом, хотя кольчато-пластинчатые доспехи являлись конструктивно более качественной защитой, принципиально иных свойств, какими в бою не обладали бы ранее существовавшие виды тяжёлых гибких доспехов, в целом им не приписывается (между ними нет таких различий, какие были, например, у пластинчатых доспехов с цельнометаллической кирасой). Иначе говоря, «ориентализированная» тактика требовала (а доспех должен был требованиям соответствовать) максимальной подвижности: для стрельбы из лука во все стороны, быстрой смены лука на холодное оружие и пр. Если известные нам конструкции бехтерцов и юшманов отвечают этим требованиям, то с русскими бронями дощатыми XIII–XV вв. дело обстоит сложнее: как отмечено и в статье О. В. Шиндлера, отдельные найденные пластины не позволяют представить доспех в цельном виде. Однако там же отмечается преобладание монгольского влияния на форму этих доспехов, что как раз свидетельствует об их конструктивной подвижности.

О. В. Шиндлер мимоходом упоминал, ссылаясь на давнее мнение Р. Робинсона, что ближневосточные кольчато-пластинчатые доспехи сформировались под западноевропейским влиянием (исследователь имел в виду надеваемые на кольчугу бригантины). Доказательств этому не приведено, но в основе утверждения лежат определённые сходства, с одной стороны, указывающие на высокую степень общности развития восточных и западных доспехов, а с другой — свидетельствующие об эволюционном развитии кольчато-пластинчатых доспехов из тканево-пластинчатых. Иначе говоря, и западные бригантины, и восточные кюяки, и кольчато-пластинчатые доспехи могли существовать в рамках одной военной системы, имеющей свои конкретные требования к доспехам.

Очень показательно сравнить русские шлемы XIV и XVI вв.: те и другие давали свободный обзор, что принципиально отличало их от многих видов закрытых западноевропейских шлемов (более основательная защита лица, характерная для рыцарских шлемов ещё с XII в., объяснялась тем, что при лобовом столкновении рыцарей удар копьём в голову был наиболее опасен). Это ключевое свидетельство необходимости подвижности в бою для русских воинов с XIV в. Отсюда объективно процесс замены новыми образцами доспехов должен был быть постепенным, проходя в контексте появления новинок в других регионах, а требования к подвижности были основополагающими и предъявлялись изначально; и можно только предполагать, что среди требований к корпусному доспеху стало обязательным, чтобы он был удобен для полноценной верховой стрельбы из лука (это достигалось и в рамках доспеха из пластин, прикреплённых на ткань).

О. В. Шиндлер приводит тезис А. Н. Кирпичникова об абсолютном преобладании пластинчатого доспеха над кольчугой в XIV–XV вв. Он основан на том, что в давней работе А. Ф. Медведева среди находок в Новгороде к этому периоду был отнесен только один фрагмент кольчуги и фрагменты девяти пластинчатых доспехов. Хотя факт широкого бытования броней дощатых в то время на Руси бесспорен, приведённая выборка может сильно исказить картину реального соотношения броней дощатых и кольчуг даже для новгородской конницы, не говоря о русских землях в целом. Предполагается, что «старая доспешная мода» с массовой броней дощатой была более «тяжелой», чем «ориентализированная мода», во времена которой подавляющее большинство выходило в кольчатых панцирях, тегиляях или вообще без доспеха. Документальные источники на середину XVI в. показывают, что в походе доспешными могли быть до 80% всадников «полковой службы», значительная часть их имела кольчато-пластинчатые и пластинчатые доспехи, бехтерцы обычно дополнялись кольчатым панцирем, поверх кольчатых панцирей могли носить тегиляи, в широком ходу были наручи, наколенники и бутурлыки⁴⁶. С другой стороны, как отмечалось выше, цельный вид доспеха XIV–XV вв. нам неизвестен, а другие признаки воинского снаряжения указывают на преобладавший маневренный характер боя, поэтому версия о процессе облегчения доспехов, по меньшей мере, необоснованна.

Тезис об особых высоких защитных свойствах новгородских доспехов можно подтвердить словами Московской летописи о битве под Руссой 1456 г.: *«Бысть же плетень меж их и суметы снежные великы и не бе им вместе снятятся лзе. Вои же великого князя, видевшие крепкия доспехи на новгородцех, и начаша стрелами бити по конех их. Кони же их, яко възбеснеша, и начаша метатися под ними, с себе збивати их. Они же не знающе того боа, яко омрътве, и руки ослабеша, копия же имяху долга и не можаху и възднимати их тако, яко же есть обычеи ратным, но на землю испускающе их, а конем бьющимся под ними, и тако валяхуся под кони свои, не могуще здержати их»*⁴⁷. А. В. Быков придерживается мнения, что новгородцы в сравнении с москвичами были тяжеловооруженными, но это были их традиционные доспехи, а не западноевропейские латы, так как наличие последних не подтверждено археологически⁴⁸.

Следует учитывать, что новгородская рать в этом сражении — это относительно небольшое конное войско, которое оказалось способно очень быстро мобилизоваться и выдвинуться в режиме марш-бросков⁴⁹. То есть это было отборное войско, которое должно было выделяться качеством вооружения; тем более что в описании речь должна была идти в первую очередь о первых шеренгах: традиционно впереди шли и первыми погибали бояре. И нельзя однозначно говорить, что автор повести говорил о необычных для москвичей крепких доспехах и длинных копьях. Здесь можно увидеть своего рода сарказм в том, что новгородцы в навязанной москвичами форме боя оказались беспомощными и не смогли воспользоваться своим лучшим вооружением.

Предположение А. В. Быкова о том, что новгородцы были тяжеловооруженными, а москвичи легковооруженными, основывается только на сообщении новгородских летописных известий, повествующем, что под Русой и в Шелонской битве новгородцы вначале опрокинули противника. В плане такой интерпретации этих фаз боя в данной дискуссии ему возражает М. А. Несин, который отмечает, что анализ сражений показывает, что, скорее всего, это были организованные отступления⁵⁰. Таким образом, первые шеренги отборных подразделений московских детей боярских, возможно, могли быть не менее защищенными, разве только в лобовую атаку они так просто не ходили (хотя приведенные летописные и археологические данные достаточны,

чтобы считать новгородцев, как минимум, находящимися в числе наиболее «одоспешенных» воинов в русских землях). Можно вспомнить, что ещё в конце XVI в. лучшие помещики выступали с копьями, которые несли своеобразные оруженосцы, из чего следует, что это были достаточно длинные копья⁵¹.

Необычность вооружения новгородцев, или его немецкий характер, летописец с большой вероятностью чётко отметил бы (как это сделано под 1435 г., где полк Ивана Бабы Дрюцкого выступил «с копьями по-литовски»). Тем не менее текст московского летописца можно трактовать по-разному, в т.ч. и строить версии о том, что новгородцы под Русу прибыли с новым для них вооружением. Подобный тезис выдвинул ещё Г.В. Абрамович, предположивший, что в период, предшествующий битве, князь Шуйский провёл реформу новгородской конницы по образцу немецких рыцарей, но не довёл до конца обучение воинов⁵². Близких взглядов в рамках дискуссии придерживается М.А. Несин⁵³, на стороне версии стоит и О.В. Шиндлер. Таким образом, мы предполагаем, что в Новгороде началась реформа, сопоставимая по значимости с «ориентализацией» московской конницы, но имеющая несколько другую направленность. Теоретически это можно представить: для какой-то части лучших воинов было закуплено вооружение, сделавшее их ближе к шведским и ливонским рыцарям, но в археологии такая закупка не отразилась. Однако, даже если дополнительные исследования подтвердят «вестернизацию» новгородской конницы в середине XV в., это не прояснит рассматриваемый вопрос о различии «ориентализированной» и «традиционной» русской конницы (в частности не подтвердит тезис о том, что последняя была «тяжелее»).

Принципиальным было иное изменение в защитном вооружении — исчезновение щитов у всадников. Эта особенность соответствовала ордынскому вооружению XIII–XIV вв.⁵⁴ Если в Западной Европе исчезновение щита у конницы компенсировалось появлением цельнометаллических кирас, то в данном случае оно могло компенсироваться внедрением новых приёмов владения оружием (защита с помощью копья и сабли) и тактики, которая должна была уменьшить вероятность лобового столкновения с атакующей копейной конницей. С другой стороны, отсутствие щита позволяло более свободно пользоваться различными видами оружия и легче менять их.

Как отмечалось выше, на середину XVI в. документально зафиксировано полное отсутствие щитов у русской конницы. Документы более раннего периода также о щитах не говорят, но данных слишком мало для констатации факта. При этом использование щита городскими ополченцами зафиксировано новгородской летописью под 1547 г.: «...поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и з сулицы, я ко же к боеви обычаи имяху»⁵⁵. Также в описании подготовки обороны Москвы в 1451 г.: «...граждане начаша пристрой градной готовить на утрее противу безбожных, пушки и пищали, самострелы и оружия и щиты, луки и стрелы»⁵⁶. Данных о вооружении щитами конных воинов Северо-Восточной Руси после Задонщины больше не встречается. Правда, в Казанском летописце щиты у русских и татар упоминаются не раз, но это авторское художественное произведение, стиль которого отличает использование архаичных терминов (меч, а не сабля; пещцы, а не пешие; тул, а не саадак; секира, а не топор и пр.), и, соответственно, как в старых летописях, копье и щит выступают основными предметами вооружения. Следовательно, слова данного источника нельзя приводить для подтверждения использования щитов русскими воинами в XVI в.

В Ростовском летописном своде 1489 г., сохранившемся в Типографской и Софийской летописи, в описании Шелонского боя 1471 г. по отношению к новгородцам применено выражение «мало щита подръжавше»⁵⁷, то есть они не сопротивлялись. В летописании Северо-Восточной Руси «щитовые» словесные обороты в описании событий после XIII в. не зафиксированы (в новгородском летописании словосочетание «взяли на щит» встречается до начала XV в.). Ещё раз оборот «щита не держали» можно увидеть употребленным в Устюжской летописи под 1450 г. применительно к устюжанам, которые не сопротивлялись Шемяке⁵⁸. Видимо, это выражение было в ходу в летописании ростовско-устюжского региона.

Косвенно об отсутствии щита в конце XV в. говорит сообщение Перкамоты. К такому выводу подталкивает и одно летописное сообщение того времени. В Устюжской летописи, составленной в 1-й четверти XVI в., представлен вариант описания битвы на Скорнице в 1371 г. между москвичами и рязанцами. Вместо изначальных слов «...не емилите с собою доспехов, ни щитов, ни копыя, ниже коего иного оружия,

но токмо емлите с собою едины ужицы кождо вас, имже вязати начнете москвичь»⁵⁹ написано «...не хотеша ни копейи, ни сабель с собою, хотеша ремень и звенцы имать»⁶⁰. Явно напрашивается объяснение, что летописец осовременил фразу, заменив щиты и копьа на копыа и сабли, так как тогда изначальные слова уже не могли характеризовать вооружение войска. Аргументом в пользу «осовременивания» текста может служить и то, что в той же летописи под следующим годом при описании похода литовского войска к ряду «литва, жмудь, ляхи» были добавлены жолнёры (подобных моментов можно найти ещё немало). В связи с этим можно уверенно говорить, что к началу XVI в. для русской конницы типичным холодным оружием стали копыа и сабли, а щиты вышли из широкого употребления.

Сабля была типичным длинноклинковым оружием ордынских воинов XIII–XIV вв.⁶¹ Для Северной и Северо-Восточной Руси типичными тогда были мечи западноевропейских образцов, хотя сабли были известны с домонгольских времен⁶². Рассмотренное сообщение Устюжской летописи и известие Перкамоты, а также ряд других документов⁶³ однозначно показывают, что к концу XV в. сабля стала типичным оружием всадников Русского государства. Однако процесс перехода к сабле в предшествующие десятилетия источники уже не позволяют проследить. Этот переход должен был характеризоваться и определённым изменением манеры боя.

Археология показывает, что между наконечниками копий XIV и XVI вв. имеются заметные конструктивные отличия, которые могут свидетельствовать о разных комплексах приёмов копейного боя; при этом наконечники копий XVI в. имели ещё домонгольские прототипы, копыа продолжали массово использоваться⁶⁴. Но следует заметить, что сводить изменения к схеме «преимущественно таранный удар — преимущественно фехтование» не стоит. Это всё были наконечники с многофункциональными возможностями. О способах действия копьём может поведать факт использования русскими всадниками шпор западноевропейских типов, в т.ч. рыцарских⁶⁵. Однако абсолютизировать это не стоит: шпоры говорят о глубокой посадке, удобной для атаки с копыями наперевес, но наличие рыцарских шпор не утверждает, что седловка, конское снаряжение и способы действия копьём были соответствующими. О типах русских сёдел до XVI в. почти ничего

не известно, кроме факта отсутствия мундштучного оголовья, даже в Новгороде известны были только уздечки. А сочетание мундштучного оголовья, дававшего строгость управлению конём, и шпор было обязательным как для рыцарей, так и для более поздних лёгких польских гусар и венгерских, балканских и пр. подобных типов воинов. Использование уздечек уже говорит о манёвренном характере русского конного боя.

Изменения в манере владения длинноклинковым и копейным оружием подчеркивают повышение значения роли лука. Однако они произошли не на пустом месте. Стрельцы (конные застрельщики) были известны в Северо-Восточной Руси ещё в XII в.⁶⁶ То, что луки в полевом бою более не упоминаются до середины XV в., объясняется спецификой летописания. Если описания боестолкновений XII в. довольно подробны, то относительно XIII — первой половины XV в. летописи Северо-Восточной Руси и Новгорода очень кратки, обычно отмечают только факт сражения (чуть подробнее дают описания осад). Аналогичную степень подробности описания битвы под Старой Руссой 1456 г. ранее можно отметить чуть ли не только у Липицкого сражения 1216 г. Если немецкие хроники неоднократно отмечают активное использование луков новгородскими, псковскими, полоцкими и владими́ро-суздальскими воинами, то, например, новгородские летописи упоминают стрелы у новгородцев только при описании некоторых внутриновгородских столкновений (впрочем, большинство записей содержат сообщения именно о них) — такова специфика летописания.

Таким образом, сложные луки были традиционным оружием русских воинов, в т.ч. и новгородцев. В 1471 г. Шелонский бой начался с перестрелки с противником через реку⁶⁷. Даже использование шпор не исключает, а только ограничивает использование лука верхом. Введение «ордынской лучной тактики» могло быть реализовано только после массового овладения умением стрелять на скаку и достижения необходимого уровня дисциплины и управления. Это в свою очередь должно было привести к названным изменениям в вооружении.

Даже при развитых государственных институтах было очень сложно быстро и кардинально поменять устройство и обеспечить материальное оснащение вооружённых сил (и провести соответствующее переобучение личного состава). Все продуктивные изменения

отталкиваются от существующей базы. В условиях слабых государственных институтов, при господстве традиционного общества, как это было на Руси в XV в., все изменения происходили постепенно, опираясь на традиции, если только эти изменения не активизировались насущной необходимостью, лично касающейся представителей соответствующего слоя населения. Обновление вооружения — это явление естественное. Улучшенные образцы старого вооружения и новинки появляются довольно часто, развитые торговые связи способствуют их широкому распространению. Вооружение в походах и боях (особенно доспехи) изнашивалось относительно быстро, поэтому, несмотря ни на какую любовь к «дедовскому оружию», воины вынуждены были постоянно обновлять свои арсеналы.

В XIII — начале XV вв. воины Северо-Восточной Руси активно воевали против ордынских войск или в их составе, выходцы из Орды поступали на службу к русским князьям (да и в XII в. были переселенцы из Степи), но в целом, как принято считать, русское военное дело развивалось в русле домонгольских традиций⁶⁸. Противоречия в этом на самом деле нет: в тех социально-политических условиях (и при отсутствии острой необходимости) было невозможно, чтобы весь класс воинов быстро переучился с мечей на сабли, овладел луками на скаку, начал обходиться в бою без щита и пр. Тем более не было ещё достигнуто того уровня дисциплины и сформировано управления, чтобы эффективно применять все ордынские тактические приёмы, поэтому русская тактика в ордынский период объективно и должна была заключаться в практике того, что получается. Изменения шли параллельно с социально-политическими процессами. А для того чтобы получить более точные представления об этих изменениях, требуется продолжить основательное изучение (с позиции источникововедения и археологии) военного дела на русских и соседних землях на протяжении веков. Только воссоздание цельной картины позволяет представить подлинные сведения, несмотря на ограниченное количество источников.

Рассмотрев статью О.В. Шиндлера, можно резюмировать следующее. Тезис о переходе от «новгородской доспешной моды» (пластинчатые доспехи, как западных, так и восточных образцов) к «московской моде» (кольчатые, кольчато-пластинчатые, зерцальные, мягкие

доспехи, воспринятые и через контакт с татарскими ордами) не представляется обоснованным. Для ордынцев в XV в. было нормой использовать стрелостойкие доспехи западного изготовления. В XVI в. в России применяли панцири немецкие (а в предшествующие века многие из характерных элементов и особенностей западного защитного вооружения не перенимались). То есть «вектор подражания» не был направлен в какую-то конкретную сторону: использовали то, что было приемлемо в военной практике. Нельзя назвать особенностью старой моды абсолютное преобладание броней дощатых над кольчужой (особенно в общерусской картине). Также нет оснований считать, что «смена мод» сопровождалась резким облегчением вооружения. Всадники полковой службы в тегияях или вообще без доспеха появились только в третьей четверти XVI в. Кольчато-пластинчатые доспехи — это не кардинальное новшество, а естественное развитие тканево-пластинчатых доспехов, которые в России были в ходу у конников полковой службы как минимум до 1550-х гг.

Русскую конницу до «ориентализации» нельзя назвать нацеленной исключительно на ударную тактику. Скорее можно говорить о «копейно-маневренной» коннице, которую сменила «лучно-маневренная». То есть смена комплекса вооружения должна была происходить не в контексте повышения маневренности как таковой, а в контексте повышения удобства всестороннего использования луков. Вместе с тем позицию О. В. Шинлера нельзя назвать ошибочной: он исходил из ныне бытующих в военно-исторической науке теорий. Но эти теории всё ещё находятся на стадии активных дискуссий, попыткой подключиться к которым является и данный отзыв.

«Смена мод в военном снаряжении» хорошо видна в переходе с мечей на сабли, исчезновении всаднических щитов, выходе из широкого применения посадки со шпорами. Однако вопрос о том, какие изменения происходили в плане требований, предъявляемых к корпусному доспеху, является очень сложным. Впервые О. В. Шиндлер специально поднял его в своей работе.

Ссылки

¹Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XIV вв.— Л., 1976.— С. 14–15, 101.

²Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2015.— Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. I. С. 82–83. <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

³Комаров О.В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально-политических институтов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2016.— Т. VIII.— С. 362–389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22.07.2016).

⁴Комаров О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2016.— Т. VII.— С. 395–397, 411–412, 415, 431, 440. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016).

⁵Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— М., 2007.— Т. 18.— С. 112, 118.

⁶Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси...— С. 33–34.

⁷Там же.— С. 38–40.

⁸Там же.— С. 40–41.

⁹ПСРЛ.— СПб., 1908.— Т. 2.— Стб. 639, 676.

- ¹⁰Там же.— Стб. 853, 877.
- ¹¹Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 433.
- ¹²Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950.— С. 367.
- ¹³ПСРЛ.— М., 2007.— Т. 18.— С. 130; ПСРЛ.— Петроград, 1921.— Т. 24.— С. 183.
- ¹⁴ПСРЛ.— СПб., 1889.— Т. 16.— Стб. 195.
- ¹⁵ПСРЛ.— Л., 1926–1928.— Т. I.— Стб. 495.
- ¹⁶Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси...— С. 83.
- ¹⁷ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 25.— С. 279.
- ¹⁸Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В., изложенные в статье «Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2016.— Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. II.— С. 615–616. <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).
- ¹⁹Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2016.— Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. II.— С. 596–598 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).
- ²⁰Филюшкин А. И. Василий III.— М., 2010.— С. 23.
- ²¹Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В.... — С. 630–636.
- ²²Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 369–374.
- ²³Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси...— С. 83.
- ²⁴Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера...— С. 600–601.
- ²⁵Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В...— С. 638–642. <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).
- ²⁶Грамоты Великого Новгорода и Пскова.— М.; Л., 1949.— С. 130.
- ²⁷Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950.— С. 311.
- ²⁸Там же.— С. 426.
- ²⁹ПСРЛ.— СПб., 1848 — Т. 4.— С. 253
- ³⁰Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст.— Минск, 2002.— С. 77.

- ³¹ Там же. — С. 83.
- ³² Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 434.
- ³³ Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... — С. 83.
- ³⁴ Сборник Российского Императорского исторического общества. (далее — СРИО) — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 152, 517.
- ³⁵ СРИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 25.
- ³⁶ Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 43.
- ³⁷ Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... — С. 85.
- ³⁸ Там же. — С. 54.
- ³⁹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 19–20, 38.
- ⁴⁰ Там же. — С. 38.
- ⁴¹ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 241–242.
- ⁴² Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 38.
- ⁴³ «Акты исторические, относящиеся к России, на иностранных языках, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым» / *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliotecis depromta, ab A. I. Turgenevio.* — СПб., 1841. — Т. I. — С. 201.
- ⁴⁴ Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 397.
- ⁴⁵ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 2002. — С. 119–121.
- ⁴⁶ Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 405, 410, 413, 423, 435–436, 438.
- ⁴⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 274.
- ⁴⁸ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 598–604.
- ⁴⁹ Несин М. А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 102–103. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- ⁵⁰ Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В... — С. 620–621.
- ⁵¹ Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 400–402; Курбатов О. А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Спе-

циальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 231–232. <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013).

⁵²Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. — Л., 1991. — С. 65.

⁵³Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В... — С. 617.

⁵⁴Воронцов И. А. Организация военного дела в Золотой орде. / Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. — Волгоград, 2006. — С. 123.

⁵⁵ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. 4. — Ч. I. — Вып. III. — С. 621

⁵⁶ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 272.

⁵⁷ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. 24. — С. 190.

⁵⁸ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 45.

⁵⁹ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 112.

⁶⁰ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 74.

⁶¹Воронцов И. А. Организация военного дела... — С. 84.

⁶²Двуреченский О. В. Холодное наступательное оружие Московского государства (конец XV — начала XVII вв.). / Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. — СПб., 2008. — С. 191.

⁶³Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения... — С. 425–426.

⁶⁴Двуреченский О. В. Холодное наступательное оружие... — С. 194.

⁶⁵Там же. — С. 194.

⁶⁶ПСРЛ. — Л., 1926–1928. — Т. I. — Стб. 376, 381.

⁶⁷ПСРЛ. — Петроград, 1921. — Т. 24. — С. 190.

⁶⁸Двуреченский О. В. Холодное наступательное оружие... — С. 187, 192.